

УДК 72.035

Карагодин Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры источниковедения исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
e-mail: avkaragodin@yandex.ru

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ АРХИТЕКТУРНОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА В XX ВЕКЕ: НАХОДКИ ИСТОЧНИКОВЕДА

Аннотация. На протяжении последних десятилетий история культурного ландшафта Южного берега Крыма находится «в тени» фигуры Н.П. Краснова – ялтинского архитектора, автора великокняжеских и императорского дворцов Романовых, построенных в самом конце XIX и начале XX в. В статье дана характеристика не менее известных архитектурных проектов, воплощенных в жизнь в период правления последних Романовых.

Ключевые слова: Южный берег Крыма, история архитектуры.

Andrey Karagodin, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: avkaragodin@yandex.ru

LITTLE-KNOWN ARCHITECTURAL HISTORY PAGES SOUTH COAST OF CRIMEA IN THE 20TH CENTURY: SOURCE SCIENTIST'S FINDINGS

Abstract. Over the past decades, the history of the cultural landscape of the Southern Coast of Crimea has been "in the shadow" of the figure of N.P. Krasnov, the Yalta architect, author of the grand ducal and imperial palaces of the Romanovs, built at the very end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The article gives a

description of no less famous architectural projects implemented during the reign of the last Romanovs.

Keywords: Southern coast of Crimea, history of architecture.

С легкой руки краеведов за Красновым закрепилась слава «архитектурного гения» и едва ли не единоличного автора того облика «старой Ялты» и, шире, всего Южного берега Крыма, который в сознании местной интеллигенции считается «идеальным» и на контрасте с которым оцениваются (как правило, негативно) любые строительные новации наших дней. Между тем, как современники, так и серьезные архитектурные критики советского времени и наших дней, не отказывая Краснову в таланте организатора и строителя, великим зодчим его отнюдь не считали, относя скорее к даровитым представителям направления «исторической эклектики» – тренда в архитектуре, который сам по себе считается симптомом стагнации художественных и общественных вкусов [1].

Характерна статья искусствоведа Георгия Лукомского, введенная недавно в научный оборот профессором С.Б. Филимоновым [2, с. 249–310]. Она была опубликована в газете «Ялтинский курьер» в 1920 году при Врангеле незадолго до эмиграции Лукомского, посвящена Ливадийскому дворцу, построенному Красновым для Николая II в 1911 году, и в известной степени подводит черту под императорским периодом Южного берега, да и всей России.

«Царственного» выражения ни архитектор, ни, видимо, населявшие дворец — придать ему не сумели, не могли, — пишет Лукомский про Ливадийский дворец. — Краснов дал компиляцию итальянских деталей, напоминающую музей “муляжей” в Трокадере (в Париже). Жалкая игрушка, копия... И досадно становится при мысли о том, что, собственно, можно было создать..., попади постройка дворца в руки истинного художника-творца. И это в то время, когда были талантливые зодчие... Их не умели у нас использовать как следует — а это-то больше всего и характеризует эпоху. Не так уж была она бездарна, как многие полагают до сих пор ошибочно. Неумение использовать

людей, их знания фатально отмечает собою эту несчастную эпоху... Ливадийский пример должен быть сохранен в назидание потомству, как иллюстрация к истории русской революции и причин, ее вызвавших» [2, с. 310].

Среди талантливых зодчих международного класса, которых «не заметили» последние Романовы, отдав предпочтение умелому компилятору Краснову, Лукомский называет выдающегося русского архитектора И.В. Жолтовского. Много десятилетий спустя, описывая построенный под руководством Жолтовского неподалеку от Ливадии, в Курпатах в 1953-64 гг. санаторий «Горный», автор книг по крымской архитектуре Ефим Крикун сообщает: «Колоннада, аркада, башни, ротонда, парадные лестницы, строго симметричное... построение плана: дух ренессансного зодчества, дух итальянской старины присутствует в архитектуре советского общественного здания... Жолтовский не механически копирует классику, как Краснов, — он ищет новые пропорциональные соотношения, вырабатывает свою собственную цельную творческую систему, свою школу, оказавшую влияние на многих советских архитекторов» [3, с. 58].

Тем не менее, несмотря на оценки критиков, к началу XXI века именно за Красновым и его постройками закрепилось реноме архитектурного эталона для ЮБК. Любопытно проследить историю и выделить причины формирования этого идеализированного образа «старой Ялты» начала XX в.

Речь, несомненно, идет о том, что выдающийся английский историк Э. Хобсбаум называл «изобретенной традицией» – идеализированным образом прошлого, придуманным в позднейшее время для решения актуальных общественных задач [4]. Идеализация Краснова и его дворцов не случайно началась в 90-е гг. XX века, когда под воздействием социально-экономических неурядиц, вызванных распадом СССР и кризисом идентичностей, разочарованием в советских идеологемах, образ прошлого ЮБК сузился до узкого фрагмента: «Ласточкиного гнезда», дворцов Николая Второго и великих князей, образа Ялты – курортного города начала двадцатого века, по набережной которого ходили чеховская дама с собачкой и героиня рассказа Куприна «Винная

бочка». По контрасту с настоящим и недавним прошлым была выдумана условная идеальная Россия 1913 года, «которую мы потеряли».

Способствовали формированию ностальгического образа и воспоминания «белой» эмиграции, которые оказались начиная с конца 1980-х доступными широкой читающей публике. Князь А.Д. Голицын, предводитель Харьковского дворянства, член Третьей Государственной думы, в своих мемуарах, написанных в эмиграции во Франции в 1930-х гг., так рисовал идеальный образ ЮБК: «богатая южная природа с невиданными экземплярами флоры чередовалась с благоустроенными курортами, роскошными дворцами, татарскими саклями, уютящимися под скалами, и снова дворцами, парками, виноградниками... Напротив Кореиза через бухту, среди зелени и серых скал, выделяется своею белизною Дюльбер – дворец великого князя Петра Николаевича. Немного далее за поворотом Чаир, дворец великого князя Николая Николаевича, где присвоенные его двору цвета желтый и лиловый выявлены выющимися желтыми розами Marechal Niel по стенам дворца и фиалками, которыми усеяны все открытые площади вокруг. При приближении к Ялте дворцы и частные резиденции чередуются все чаще и чаще. Вот Харакс и Ай-Тодор - великокняжеские резиденции. А вот вычурная частная вилла, построенная на голой скале, выступающей прямо в море - «Ласточкино гнездо» - мы, наконец, въезжаем в Государево имение Ореанда со сгоревшим в нем при загадочных обстоятельствах дворцом» [5, с. 64].

Память избирательна – помнится хорошее, забывается плохое. Вот, к примеру, как характеризовала те же самые окрестности Ялты выпущенная в 1917 году в Москве рекламная брошюра, советовавшая вкладываться в участки в будущем городе-саде Григория Ушкова в Форосе. Эта брошюра с росписью продаваемых участков была обнаружена нами в фондах РГБ. Местность вокруг Фороса рекламируется в ней как «неиспорченная предшествующими неумелыми предпринимателями, как это, к сожалению, нужно констатировать в отношении почти всего Южного берега... благодаря которым, например, Ялта в каких-нибудь 30 лет превратилась из красивой дачной местности в славящийся своей

грязью и антисанитарией обыкновенный уездный городок, метко прозванный всероссийской плевательницей» [6, с. 17]. Еще более категоричен был поэт и художник М. Волошин: «Древняя Готия от Балаклавы до Алустана застроилась непристойными императорскими виллами в стиле железнодорожных буфетов и публичных домов и отелями в стиле императорских дворцов. Этот музей дурного вкуса, претендующий на соперничество с международными европейскими вертепами на Ривьере» [7].

Города-сады типа Фороса на юге России стали активно планироваться после начала Первой мировой войны [8]. Собранный в январе 1915-го в Таврическом дворце в Петрограде всероссийский «Съезд по улучшению русских лечебных местностей и учреждений» (его материалы, несмотря на их очевидную созвучность повестке наших дней, пока практически не введены в оборот) [9] постановил, что в новых условиях войны и изоляции России ускоренное развитие отечественных курортов должно получить приоритет в соответствии с самыми передовыми архитектурными идеями эпохи. Разрабатывались такие проекты и для ЮБК. К работе над одним из них – проектом города-сада Ласпи на западе Южного берега – был привлечен выдающийся неоклассик, академик архитектуры Иван Фомин. Любопытно, что именно И.А. Фомина, наряду с И.В. Жолтовским, называет в числе фатально «проигнорированных» Романовыми подлинных талантов эпохи Г.К. Лукомский в статье, обнаруженной С.Б. Филимоновым.

Предложенный Фоминым план застройки Ласпи был не единственным проектом приморского города-сада. Помимо плана Фороса Г.К. Ушкова (его архитектор пока неизвестен), существовал план «курорта-сада» Комперия-Сарыч вблизи Ласпи, разработанный в первой половине 1917 года Павлом Алешинным и Григорием Дубелиром (впоследствии — авторами генплана Мурманска), или курорта Лиран на Черноморском побережье Кавказа, составленный в 1916 года петербуржцами Львом Ильиным и Алексеем Зазерским. Однако по количеству населения, размеру территории, составу сооружений, а самое главное — художественному достоинству, степени

проработки единого стилевого решения, от генплана до дизайна фонарей и верстовых столбов, проект Фомина на голову превосходил аналогичные. В этом убеждают Генплан курорта Ласпи, найденный автором вместе с другими учредительными документами в деле о национализации имения в Государственном архиве Республики Крым [10], а также многочисленные эскизы И.А. Фомина, хранящиеся ныне в московском Музее архитектуры имени А.В. Щусева.

Территория города-сада Ласпи по генеральному плану составляла около 750 га, в нем при одноэтажной усадебной застройке и большом размере участков (от 1/4 до 1 га) должны были жить четыре с половиной тысячи человек. В числе сооружений, спроектированных Фоминым в неоклассическом стиле в каждом из четырех районов будущего города (Фомин детально прорисовал более ста сооружений), были гостиницы, лавки, кофейни; в центральном районе должны были разместиться большая гостиница, стадион, главные площади (административная, торговая, площадь гимназии), а также театр и церковь. Все районы связывались линией железной дороги и тремя радиусами фуникулеров. На северо-востоке в комплекс была включена хозяйственная «Экономия Ласпи»: хлебопекарня, кирпичный завод, жилые дома для рабочих-строителей, рыбный завод, гостиница, питомник и школа садоводства. Система планировки Ласпи, при всей своей ориентации на классику, была свободной, вписанной в ландшафт и рельеф спадающего к морю амфитеатра залива Ласпи: отсюда дугообразная система уличной сети и радиусов озелененных проспектов, и дуга линии железной дороги, пересекаемая радиусами фуникулеров.

Незаслуженно забыт и другой нереализованный проект И.А. Фомина – виллы для Федора Шаляпина на Пушкинской скале в Гурзуфе. Между тем, именно рассказом об этом проекте заканчивается популярная книга воспоминаний Шаляпина «Маска и душа» [11, с. 347–348]. «Есть в Крыму, в Суук-Су, скала у моря, носящая имя Пушкина. На ней я решил построить Замок Искусств. Именно замок. Я говорил себе: были замки у королей, у рыцарей,

отчего бы не быть замку у артистов? С амбразурами, но не для смертоносных орудий», – вспоминал Шаляпин.

Эскизы для проекта виллы Шаляпины также хранятся в Музее архитектуры имени А.В. Щусева в Москве. По замыслу Фомина, замок Шаляпина на скале должен был состоять из двух частей – виллы и высокой башни, в верхней части которой хотел устроить себе спальню сам Шаляпин. В одном варианте на скале стояла башня, а вилла на берегу, в другом – наоборот, стоящая на берегу башня как бы сторожила вход на виллу на скале. Между скалой и берегом должен был быть перекинут каменный мостик. Самый эффектный из сохранившихся листов акварелей Фомина с вариантами замка изображал это сложное из грубо обработанных камней и при этом изящное по пропорциям сооружение ночью, при лунном свете.

Шаляпин, в 1916 и 1917 годах отдохавший на вилле «Орлиное гнездо» курорта Соловьевой Суук-Су, начал подготовительные работы по «Замку искусств», заказал гобелены, а в июле 1917 года, наконец, оформил у хозяйки курорта купчую на скалу и примыкавший к ней участок за 150 тысяч рублей: на карте имения скала отныне должна была называться «Шаляпинским утесом». Однако проект так и не был реализован. Шаляпин, дав в июле 1917 года концерт для матросов Севастополя и одним из первых получив в 1918 году от новой власти звание заслуженного артиста республики, через три года выехал на гастроли за границу и больше в Россию не вернулся. «Мечту мою я оставил в России разбитой. Иногда люди говорят мне: еще найдется какой-нибудь благородный любитель искусства, который создаст вам ваш театр. Я их в шутку спрашиваю – а где он возьмет Пушкинскую скалу?», – говорил Шаляпин.

К проектам уровня города-сада Ласпи И.А.Фомина, соединявшим масштабную застройку выдающегося художественного достоинства и творческую работу с ландшафтом, на ЮБК вернулись лишь в начале 1930-х. В 1932 г. в Ялте высадился внушительный десант лучших специалистов страны в самых разных областях – от архитектуры и садоводства до гидрологии, климатологии и медицины. Перед ними была поставлена цель – спроектировать

основные перспективы преобразования Южного берега с целью дальнейшего развития там социалистического курорта. Возглавлял коллектив авторов, собранный по просьбе СНК Крымской АССР, авторитетный московский архитектор, профессор Моисей Гинзбург, заявивший по этому поводу: «Грандиозная и чисто архитектурная задача, которая до сих пор в капиталистических условиях архитектору не снилась, советским архитектором должна быть выполнена во что бы то ни стало» [12, с. 11]. Крым Гинзбургу не был чужим: в молодости, вернувшись после учебы из Милана, он прожил в Крыму четыре года, с 1917 по 1921 годы, занимался архитектурной практикой, возглавлял Отдел охраны памятников искусства и архитектуры, подготовил научный труд «Татарское искусство в Крыму».

Результаты масштабного обследования были опубликованы в 1935 году в виде 600-страничного сборника «Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма» [12]. Проект охватывал обширную территорию от мыса Айя до Алушты и далее – всего 650 кв. км. На основании проведенных исследований предлагалась новая схема районирования Южного берега. Все побережье было разбито на три основных района: западный (до горы Кошка), центральный (до горы Кафель) и восточный (до Семидворья с потенциальным расширением до района Феодосии), причем центральный район рассматривали в основном как лечебную зону, а западный и восточный – как профилактические.

При вертикальном зонировании территории были выделены четыре основные зоны: приморская, предгорная (100–300 м над уровнем моря), среднегорная и горная (выше 700 м). Для курортного строительства были отведены приморская и предгорная зона. Вблизи моря следовало расположить санатории для больных, нуждающихся в талассотерапии, а также парки и места общекурортного пользования. В предгорной зоне, богатой хвойными лесами, предполагалось размещение туберкулезных санаториев, склоны также предполагалось задействовать под виноградники. Было продумано строительство транзитных железных (Симферополь — Ялта — Симеиз) и шоссейных дорог, аэропорта (на горе Шишко рядом с вершиной Ай-Петри),

фуникулеров, парков и садов. Много внимания уделялось местному сообщению, бульварам, туристским тропам-терренкурам и т. д. Озелененные дороги мыслились как своего рода парки, пронизывающие южный берег как вдоль, так и поперек, что позволяло каждой курортной местности примыкать к зеленому массиву и иметь выход к морю. Предполагалось развивать сельское хозяйство, организовывать в условиях большого количества мелких населенных мест больницы, школы и т. д.

На следующем этапе, в 1935–1937 годах, тем же коллективом архитекторов был разработан подробный проект района Ялта — Мисхор — Алупка. Входивший в группу Иван Леонидов, один из самых ярких зодчих советского периода, человек, по выражению Ле Корбюзье, с абсолютным архитектурным вкусом, нарисовал золотом, белилами, суриком и гравировкой на фанере проектный «фасад» всего центрального района Южного берега – от Массандры до Алупки. «Как это нужно сейчас, когда Крымское побережье застраивается штучно, по кусочкам и утрачивает единство “черноморского фасада” — этого замечательного района нашей страны», — сетовали Павел Александров и Селим Хан-Магомедов в монографии о Леонидове, вышедшей в 1971 году [13, с. 97]. Кроме того, Гинзбург и Леонидов выполнили проект детского лагеря «Большой Артек».

Сегодня сохранившиеся результаты этой работы – так называемые «доски Леонидова», а также бумажные эскизы – хранятся в Музее архитектуры имени А.В.Щусева в Москве. Часть эскизов и досок была утрачена, поэтому в редких публикациях, посвященных этой непростоизвестно мало известной странице архитектурной истории ЮБК, как правило, ссылаются на их репродукции в двух выпусках журнала «Архитектура СССР» – № 8 и № 10 за 1938 г. [14] Однако в фонде специального хранения РГБ автором было обнаружено отпечатанное в 1937 в типографии «Правда» с грифом «Не подлежит разглашению» многотомное описание проекта, где, помимо различных аспектов проектировки курорта (организация курортного дела, водного хозяйства, озеленения и так далее) представлены, в том числе, и Генеральный план района Ялта – Мисхор –

Алупка, и репродукции всех выполненных для него эскизов («досок») Леонидова [15]. Полномасштабное введение этих ценных материалов в научный оборот только предстоит исследователям.

Реализации проекта Гинзбурга-Леонидова помешала начавшаяся война. Но уже в 1944 г. группе выдающихся советских зодчих были поручены проекты восстановления городов СССР. По предложению М.Я. Гинзбурга, к разработке генплана послевоенного восстановления Ялты был привлечен яркий архитектор, москвич А.К. Буров. Как и Гинзбург, Буров начинал в стилистике конструктивизма, но позднее проявил себя в социалистической неоклассике. Уже в начале 1940-х Буров экспериментировал с крупноблочным строительством (дома на Полянке, Ленинградском проспекте в Москве). История работы Булова над проектом генплана Ялты восстанавливается по его опубликованным дневникам [16]. 15 октября 1944 года Буров пишет: «Сегодня мне исполнилось 44 года. Сделал за год: 1) проект монумента Сталинградской эпопеи (пирамиду); 2) проект “Храма Славы” для Сталинграда (складчато-параболический); 3) написал книжку “В поисках единства”; 4) изобрел и построил машину для получения бесконечной плоско-параллельной ленты и получил премию по физике в физико-математическом отделении Академии наук; 5) разобрался, насколько мне кажется, в основной причине явления дрожания нитей и написал об этом предварительные заметки; 5) сделал эскиз и решил в основе идею реконструкции Ялты и получил домик для жизни и работы в Ялте. Не так уж мало». Запись 16 октября гласит: «Полет над Ялтой... Летали 2,5 часа. Сделали десять заходов над Ялтой. Так и надо начинать знакомство с городом». Далее, 6 ноября: «Я был 20 дней в Ялте. Придумал основную идею планировки. Расширение набережной за счет моря и устройство под ней туннеля для автомобилей. Таким образом, мне не нужно вырубать деревья на параллельных улицах, чтобы их расширить. И в городе не будет пыли и несчастных случаев. Отсюда развивается вся тема решения. Вдоль набережной стоят шесть 8–10-этажных отелей-башен».

Буров предложил проект, опередивший свое время: при ограниченной территории города постройка низких зданий неизбежно вызвала бы вырубку зеленых насаждений, а благодаря найденному решению открывался вид на горы с набережной и из отелей — на море. Однако проект Бурова раскритиковали за то, что он слишком урбанистичен, техноцентричен и оригинален, и 15 октября 1945 года Буров с горечью записал в дневнике: «Сегодня мне 45... В архитектуре сделал Ялту, которую не поняли... Нет пророка в своем отечестве».

После кончины зодчего в 1957 г. его архив был передан в московский Музей архитектуры им. А.В. Щусева, в том числе и проект генплана послевоенного восстановления Ялты. «Проект был оригинален и по графике, — вспоминала ученица Бурова Зинаида Зубарева, — генеральный план в масштабе 1:2000 был сделан на квадратном подрамнике в круге, обрамленном как бы рамой со знаками компаса, на темном фоне; фон его был бархатистый и выполнен многократными лессировками акварелью, перекрывая каждый последующий раз дополнительным цветом, например, зеленый -кармином, потом оранжевый — лиловым, и так много-много раз» [16, с. 251–252]. Нереализованный передовой проект генплана Ялты А.К. Бурова — одна из жемчужин советской послевоенной архитектуры и несомненно нуждается в актуализации.

Идеи А.К. Бурова об отказе от ордера и переходе к новым технологиям строительства и дизайна, показавшиеся многим слишком смелыми в 1945-м г., нашли выражение уже на следующем этапе развития советской архитектуры, прежде всего в творчестве выдающегося зодчего А.Т. Полянского. Однако если такие его реализованные проекты, как детский лагерь «Артек», гостиница «Ялта», реконструкция гостиницы «Ореанда» хорошо известны как специалистам, так и широкой публике, и уже много десятилетий подряд определяют облик ЮБК, то проект курортной зоны «Голубой залив» западнее Симеиза — комплекса санаториев и учреждений отдыха общей вместимостью 12 тысяч человек — сегодня незаслуженно забыт.

Между тем, в 1976 году коллектив ЦНИИЭП курортных зданий и туристских комплексов под руководством Полянского не случайно получил за этот проект 1-ю премию на Всесоюзном конкурсе. Речь шла о крупнейшем в советском строительстве проекте на стыке курортной и ландшафтной архитектуры. На крутом рельефе Лименской долины должна была раскинуться сеть пластически взаимосвязанных террас, площадок и соединяющих их аллей, прибрежная зона отдавалась под приморские парки и общественные центры (курортная галерея с театром и кинотеатром, рестораны, кафе, лечебный комплекс с поликлиникой, плавательные бассейны, водолечебница), а санатории, пансионаты и гостиницы располагались террасами выше по склону, в лесной зоне. Комплекс «Голубой залив» по своему методу напоминал проект города-сада Ласпи Ивана Фомина 1916 года — в обоих речь шла о террасной застройке бухты невысокими зданиями в едином стиле, созвучными пластике ландшафта и традициям местной архитектуры. Эскизы и чертежи проекта хранятся сегодня в Музее архитектуры имени А.В. Щусева, а также воспроизведены в нескольких монографиях, посвященных А.Т. Полянскому [17]. Их популяризация в контексте улучшения архитектурного облика ЮБК важна и необходима.

Нельзя не сказать и о смелых проектах с применением технологии сотового монолита архитектора Игоря Василевского и инженера Нодара Канчели, реализованных на Южном берегу в 1980-х гг. Самый известный из них – неизменно входящий во все мировые справочники по архитектуре конца XX в. пансионат «Дружба» в Курпатах, однако в окрестностях Ялты стоят забытыми и недостроенными еще несколько сооружений – санаторий Главмикробиопроба близ Никиты и новый корпус санатория «Родина» (бывш. «Украина») [18]. Имена И. Василевского и Н. Канчели имеют «культовый» статус в профессиональном архитектурном сообществе, но, к большому сожалению, пока практически неизвестны жителям и гостям ЮБК [19].

Наконец, упомянем еще один проект советской архитектуры эпохи модернизма на ЮБК, который нам удалось атрибутировать. К западу от

Кацивели много десятилетий висится грандиозное недостроенное и разграбленное здание из монолитного бетона, которые официальные документы именуют «незаконченным объектом капитального строительства», а местное население – «замком сатаны». О его первоначальном предназначении и авторстве никаких сведений в местной литературе долгое время найти не получалось. Лишь во время работы со сборниками ведущих проектных институтов СССР удалось выяснить: речь идет о проекте санатория Академии наук СССР, разработанном в середине 1970-х коллективом под руководством выдающегося архитектора Юрия Платонова [20, с. 169]. Платонов много лет возглавлял главный проектный институт Академии наук СССР, был автором нового здания президиума Академии наук СССР на Ленинском проспекте, Института биоорганической химии в Беляево, Палеонтологического музея на Юго-Западе Москвы. В комплекс западнее Кацивели должны были войти главное здание со спальным корпусом на 390 мест, корпус общего назначения на 500 мест с группой лечебно-диагностических помещений, жилая группа на 110 мест, рассчитанная на посемейное заселение. Но если небольшие корпуса семейного типа удалось возвести довольно быстро, то строительство грандиозного главного корпуса затянулось до 1991 года, и так и не было доведено до конца.

Иван Фомин и Иван Жолтовский, Моисей Гинзбург и Иван Леонидов, Андрей Буров и Анатолий Полянский, Юрий Платонов и Игорь Василевский – все это имена мирового уровня, все они внесли весомый вклад в сокровищницу архитектурного наследия XX века. Пора вывести из тени южнобережные проекты этих замечательных зодчих. Сегодня, когда Крым переходит к повестке развития, прокладывает линии за горизонт, пространство нашей памяти очевидно нуждается в расширении. Самое время вспомнить, помимо эклектичных дворцов Краснова, и более яркие проекты архитекторов, работавших над образом Ялты и в царское, и в советское время. Пришла пора осуществить «депровинциализацию» архитектуры Южного берега Крыма, восполнить представление об ее истории.

Список литературы и источников

1. Ацович Д. Николай Краснов, архитектор // Николай Краснов – русский зодчий Сербии, 1864–1939: к 150-летию со дня рождения: каталог выставки, декабрь 2014, Москва – январь 2015, Белград. Москва Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 24.
2. Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Н. Орианда, 2010. 406 с. С. 249–310.
3. Крикун Е.В. Архитектура Южнобережья. Симферополь: Крым, 1970. 96 с.
4. The Invention of tradition / Ed. by Eric Hobsbawm a. Terence Ranger. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1983. VII, 320 с.;
5. Голицын А.Д. Воспоминания. М.: Русский путь, 2008. 606 с.
6. Курорт и город-сад «Форос»: Крым. 1917 г. (Описание и краткое описание продающихся участков). М., 1917. 91 с.
7. М. Волошин. Культура, искусство, памятники Крыма // Крым: Путеводитель. Под общ. ред. И. М. Саркизова-Серазини. Москва; Ленинград: Земля и фабрика, 1925. 416 с.
8. Карагодин А. В. Сделать не хуже, чем за границей: курорты Южного берега Крыма в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. С. 83–105.
9. Труды Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей / Под ред. д-ра мед. П.Н. Булатова. Т. 1. Вып. 1-3. 975 с. Т. 2. Вып. 4-6. Петроград, 1915. 1093 с.
10. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р- 361. Оп.1. Д.34.
11. Шаляпин Ф.И. Маска и душа: мои сорок лет на театрах. СПб.: Азбука-классика, 2010. 349 с.
12. Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма: материалы районной планировки ЮБК. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1935. 581 с.

13. Александров П.А., Хан-Магомедов С.О. Иван Леонидов. Москва : Стройиздат, 1971. - 127 с. С.97.
14. П. Завадовский. Иван Леонидов в Крыму. 1936–1938. Часть 1. URL://<https://archi.ru/russia/94120/ivan-leonidov-v-krymu---chast>
15. Материалы генерального проекта планировки района Ялта — Мисхор — Алушка, разработанные по поручению Комитета по планировке Южного берега Крыма при СНК Крымской АССР. М., 1937–1938.
16. Андрей Константинович Буров. Письма. Дневники. Беседы с аспирантами. Суждения современников /Сост., вступит. статья, и примеч. О. И. Ржехиной, Р. Г. Буровой. М.: Искусство, 1980. 400 с.
17. Гостиничный комплекс «Ялта» в Крыму. Текст М. Винодарова, Е. Либерман, Р. Бородина, Д. Крайчинович. Белград: Югославияпублик, 1979. 82 с.
18. Канчели Н.В. Строительные пространственные конструкции М.: Изд-во Ассоц. строит. вузов, 2004 (ППП Тип. Наука). 119 с.
19. Вспоминаем Нодара Канчели // СА. Газета Союза архитекторов России. № 7 (52), 2015; Chaubin Frédéric. СССР. Cosmic communist constructions photographed. - Köln : Taschen, cop. 2012. 312 с.
20. Архитектура. Работы проектных и научных институтов Москвы. Вып.3. 1975-1978. М: Стройиздат, 1981.